

Социология девиантности: новеллы и перспективы¹

Феномен девиации – интегральное будущее общества.

P. Higgins, R. Butler

Не стоит заблуждаться: социология девиантности и социального контроля (*девиантология*) всегда находилась на окраине социологических знаний. Если порядковый номер исследовательского комитета (ИК) Международной Социологической ассоциации принять за своеобразный рейтинг, то ИК девиантности и социального контроля стоит под номером 29 из 48 возможных. Местечко так себе... Да, и действительно, есть теория социологии, ее методология, экономическая социология, социология науки, образования, города, семьи и т.п. – вполне уважаемые отрасли социологии. А объект девиантологии – преступность, наркотики, пьянство, коррупция, терроризм, проституция, самоубийства и т.п. безобразия, о которых еще царский министр народного просвещения г-н А.С. Шишков начертал: «Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение» [1]. Этому завету многие годы следовала и советская власть. И даже вполне корректный профессор Кембриджа Колин Самнер в 1994 г. объявил о смерти социологии девиантности [2].

Но со временем все чаще и чаще в самых различных странах тематика девиантности стала приобретать все большее значение и т. н. «общественное звучание», а проблемы социального контроля перемещались из поля научных дискуссий в сугубо практическую сферу: как предупредить, сократить вал преступности, массовую алкоголизацию/наркотизацию населения,

¹ Опубликовано в: Социологические исследования, 2009, №8.

непредсказуемые террористические акты, разъедающую экономику и общественную нравственность коррупцию.

Не случайно новое столетие и тысячелетие ознаменовалось выходом *четырёхтомной* энциклопедии криминологии и девиантного поведения [3].

История становления и развития отечественной социологии девиантности и социального контроля изложена в ряде работ автора [4]. Ниже будут рассмотрены лишь два вопроса: основные *новации* (новеллы) зарубежной и отечественной девиантологии и – *перспективы* ее развития. Разумеется, будет представлена *авторская* точка зрения, отнюдь не претендующая на «истинность» и полноту.

Итак, чем характеризуются последние десятилетия развития девиантологии?

Во-первых, во всем мире произошло гигантское накопление *эмпирических сведений* о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др.

Во-вторых, развитие (*step by step*) девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных *научных направлений* внутри девиантологии. Это нормальный путь развития науки (вспомним диверсификацию физики, биологии и др.).

Прежде всего, это *криминология* – социология преступности, которая и прежде была наиболее развитой наукой девиантологического цикла. Правда, я рискую вызвать гнев коллег-криминологов, которые считают криминологию совершенно самостоятельной наукой, не испорченной сомнительной социологией девиантности. Но это наш семейный спор [5].

Вполне оформилась *суицидология* – социология суицида. Собственно начало было положено хорошо известным классическим трудом Э.

Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд» (1897). Менее известна работа П. Сорокина «Самоубийство, как общественное явление» (1913). Обзор суицидологических концепций представлен в одной из современных работ [6].

Постепенно складывается *аддиктология* – социология зависимостей (алкогольной, наркотической, игровой, компьютерной). Поскольку аддикции – большое место большинства современных стран, постольку широко распространены их исследования, как национальные, так и международные. Им посвящен, в частности, т. IV вышеназванной Энциклопедии. Если в отношении социальных проблем пьянства/наркотизма имеется Монблан литературы, то социологическое исследование игровой и компьютерной зависимостей только начинается [7].

Сексология, как медико-психологическая дисциплина, активно дополняется социологическим подходом. И хотя сексология в целом наука о «нормальном» поведении, но все большее место в ней занимает исследование сексуальных «отклонений» [8].

За последнее десятилетие появились такие направления (подсистемы) девиантологии, как *военная* девиантология [9], *пенитенциарная* девиантология [10], *экономическая* девиантология [11]. Список открыт!

В-третьих, диверсификация девиантологии сопровождается ее *интеграцией* с другими науками и их взаимовлиянием. Так, объяснение генезиса девиантности и ее отдельных проявлений невозможно без анализа структурных изменений общества, исследования роли социально-экономического неравенства и процессов включения/исключения (*inclusion/exclusion*), как девиантогенных факторов. Эта тема заслуживает специального обсуждения, выходящего за рамки данной статьи [12]. Отметим только, что идеи К. Маркса, А. Кетле, Ф. Турати, Р. Мертона, Я. Тэйлора о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности и иных девиантных проявлений подтверждаются современными эмпирическими исследованиями [13]. А проблема *inclusion/exclusion*, впервые поднятая

французскими социологами в 60-е-70-е годы минувшего века [14], приобрела особое значение для девиантологии. «Исключенных» (стран и групп населения) из активной экономической, политической, социальной, культурной деятельности становится все больше. Разрыв между «включенными» и «исключенными» все глубже. Между тем именно «исключенные» составляют социальную базу девиаций [15].

Социологический анализ девиантности и ее разновидностей, как социальных феноменов, на поведенческом уровне дополняется психологией девиантного поведения [16].

В-четвертых, процессы *глобализации* в современном мире не могли не затронуть девиантность и социальный контроль. Мировые процессы глобализации сопровождаются глобализацией различных девиантных проявлений (прежде всего, организованной преступности, коррупции, торговли людьми, торговли наркотиками, терроризма) и социального контроля над ними (Интерпол, Европол, соответствующие международные соглашения и т.п.) [17].

Уже к середине XX в. начала осознаваться неэффективность и неадекватность традиционных мер социального контроля («кризис наказания», Т. Матиссен). Если наказание не эффективно как реакция на преступления (отсюда концепции «восстановительной юстиции», «ювенальной юстиции», *community policing* – взаимодействие коммунальной полиции с населением микрорайона, электронного слежения вместо лишения свободы и др.), то тем более наказание – не средство противодействия наркотизму, пьянству, сексуальным перверсиям. Обоснование некарательных мер превенции некриминальных видов девиантности – важная составляющая мировой девиантологии. К сожалению, в России продолжается вера в силу репрессий и «борьбы» [18].

В-пятых, завоевывает все большее признание отношение к различным видам девиантности как к социальным *конструктам*. Власть, политический режим, общественное мнение, СМИ *конструируют* «преступность»,

«наркотизм», «коррупцию», «проституцию» и др. Все они лишены онтологической реальности. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию, *sui generis, per se*. Курение марихуаны нормально (легально) в современной Голландии, потребление вина «преступно» в странах ислама, курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Испании. В СССР преступлением являлись «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» - основа современной экономики. Умышленное лишение жизни человека может быть тяжким преступлением (ст. 105 УК РФ), может быть «подвигом» - убийство врага на войне, или же оно юридически «нейтрально» - совершено в состоянии необходимой обороны (умышленное причинение смерти нападающему).

И тогда все большее значение приобретает изучение субъектов, мотивов, механизмов, последствий конструирования [19].

В-шестых, утверждается понимание того, что все виды девиантности функциональны («Все действительное разумно», Гегель). Нефункциональные формы жизнедеятельности давно элиминированы в процессе человеческой истории. Так, функции коррупции – упрощение бюрократических процедур, ускорение принятия управленческих решений и др. Функции алко- и наркопотребления – анестезирующая, седативная, интегративная, психостимулирующая, протестная. Функция проституции – сохранение моногамного брака. Отсюда – необходимость реалистического подхода к возможностям и методам социального контроля над девиантными проявлениями.

Каковы перспективы развития девиантологии?

В современном глобализирующемся и глобально-локально кризисном мире масштабы и социальная значимость различных девиантных проявлений возрастают. Самая благополучная часть самых благополучных обществ – «средний класс» Европы и Северной Америки - испытывает «моральную

панику» и «страх перед преступностью» (С. Коэн). Как следствие - растет репрессивность сознания, влекущая репрессивность политики. Сбывается предсказание, отраженное в эпитафии. Все это требует основательного *теоретического* осмысления, изучения закономерностей развития девиантности, прогноза и возможных рекомендаций управляющим структурам. А, следовательно, настоятельно требуется развитие девиантологии и ее подотраслей – криминологии, аддиктологии, суицидологии, социальной сексологии и др.

Будет происходить дальнейшая диверсификация девиантологии, отпочковываться все новые ее направления.

Как и ранее, необходим *мониторинг* и компаративистские исследования всех основных видов девиантности.

Остаются мало изученными *позитивные* девиации (научное, техническое, художественное творчество). Пробел тем более нежелателен, что обеспечение их развития представляет собой важный потенциал сокращения негативных девиаций («баланс социальной активности», Я. Гилинский).

К частным задачам относится выявление конкретных *механизмов конструирования* различных видов девиантных проявлений и *последствий* такого конструирования.

Отдаленной перспективой остается создание *Общей теории девиантности* – в физическом (флуктуации), биологическом (мутации) и социальном (девиации) мирах.

Список литературы

1. Цит. по: Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С.370-371.
2. Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. NY., 1994. Напомним, что obituary – некролог.
3. Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. I-IV, 2001. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group.
4. Гилинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля. В: Социология в России / ред. В.А. Ядов. Изд.2-е. М., 1998. С.587-609; Он же.

- Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд.2-е. СПб, 2007; Он же. Российская социология девиантности и социального контроля. В: Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века / ред. А.О. Бороноев. СПб, 2007. С.101-123.
5. Ср.: Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е издание. СПб, 2008, и – Криминология. Учебное пособие / ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2006.
 6. Гишинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии. Учебное пособие. СПб, 1999.
 7. Гишинский Я. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М., 2007; Tsytsarev S., Gilinskiy Y. Gambling in Russia. In: Gambling in Europe: Extent and Preventive Efforts. NY: Springer, 2008.
 8. Антонян Ю.М. и др. Криминальная сексология / ред. Ю. Антонян. М., 2000; Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб, 2007; Старович З. Судебная сексология. М., 1991.
 9. Ворошилов С., Гишинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994.
 10. Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность. Улан-Удэ, 2006.
 11. Оленев Р. Введение в экономическую девиантологию. СПб, 2007.
 12. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд.2-е. СПб, 2007, с. 164-189.
 13. Олько в С. Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005; Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008.
 14. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1996, Т.П. С.140-156.
 15. Гишинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб Юридического института Ген. прокуратуры РФ, 2004. №6; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.
 16. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2003; Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.- Ульяновск, 2005.
 17. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гишинский. СПб, 2006; Гишинский Я. Глобализация и девиантность в России. В: Глобализация в российском обществе / ред. И. Елисеева. СПб, 2008. С. 399-508.
 18. Гишинский Я. Наказание: криминологический подход // Отечественные Записки, 2008, №2. С.73-92.
 19. Гишинский Я. Конструирование девиантности. В: Феноменология и профилактика девиантного поведения. Т.1. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2008. С.86-93; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004; Maguire M., et all. The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. OxfordUniversity Press, 2007, pp. 179-340.